

ВЛИЯНИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛОББИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УКРАИНСКОЙ ДИАСПОРЫ

И.Д. Лошкарёв, Д.А. Пареньков, А.А. Сушенцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается потенциал политического влияния украинского этнического лобби на внешнюю политику США. Исходя из того, что этнические лобби в США способны преодолевать институциональную систему сдержек и противовесов, авторы пытаются установить степень и пределы влияния украинского лобби.

Рассматриваемое лобби опирается на немногочисленную украинскую диаспору. Будучи сформированной в ходе четырёх волн миграции с территории современной Украины, обусловленных различными причинами, украинская диаспора в США представляет собой крайне неоднородное и многослойное сообщество.

Основной организацией диаспоры выступает Комитет Конгресса украинцев в США. Это зонтичная структура для организаций экономического, культурного и политического профиля, а также для объединений ветеранов, женщин и молодёжи.

В политических целях украинская диаспора в США использует несколько инструментов. Во-первых, диаспоральные организации стремятся поощрять деятельность своих членов-госслужащих низшего и среднего звена по формированию оптимальной повестки дня. К этому процессу подключаются выходцы из диаспоры среди экспертов и медиаперсон. Во-вторых, украинская диаспора наладила взаимодействие с другими восточноевропейскими диаспорами, что позволяет ей использовать электоральный потенциал в штатах северо-запада и Среднего Запада США и выступать с совместными инициативами в общении с Конгрессом. В совокупности это оказывает на внешнеполитическую деятельность Конгресса некоторое влияние, однако его не стоит преувеличивать. Скорее наоборот, в американском истеблишменте сложился запрос на антироссийские аргументы, что выводит повестку дня украинской диаспоры на передний план внешнеполитической дискуссии. Это позволяет сделать вывод о том, что в отсутствие подходящего международного контекста потенциал политического влияния украинского этнического лобби в США ограничен.

УДК 94 (73)

Поступила в редакцию 18.02.2018 г.

Принята к публикации 20.04.2018 г.

Ключевые слова: украинская диаспора, этническое лобби, внешняя политика США, лоббизм.

Политическая система США основана на постоянном состязании интересов различных групп избирателей. Эта особенность несёт с собой не только ряд преимуществ, но и некоторые негативные последствия, ключевое из которых состоит в постепенной фрагментации общества. Джеймс Мэдисон, один из отцов-основателей США, был автором «теории фракций», которая предупреждала грядущие поколения американцев об опасности постоянных групп интересов: «Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца, в свою очередь делят человечество на фракции, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага»¹. Мэдисон полагал, что уничтожить фракции невозможно, но можно ослабить их влияние с помощью сложного устройства федеральной власти и создания большого числа штатов, что усложнило бы горизонтальные политические связи.

За два с половиной века существования США многие группы интересов смогли приспособиться к такой системе сдержек и противовесов [12, р. 69]. Прежде всего, речь идёт об этнических и мигрантских сообществах (диаспорах), которые при наличии должной степени консолидации могут преодолевать сопротивление американских политических институтов.

Одно из таких сообществ – украинская диаспора. Несмотря на определённый исследовательский ажиотаж вокруг тем, связанных с Украиной, проблематика диаспоры в США остаётся практически не исследованной. Лишь несколько отечественных американистов (П.С. Каневский, П.А. Шариков, М.А. Троицкий) попытались рассмотреть вопрос продвижения интересов диаспорой в контексте формирования внешней политики США [1; 2]. В самой Украине исследования диаспоры в основном касаются культурных и экономических вопросов, преобладает простая констатация наличия политического влияния украинской диаспоры [4; 5; 6]. Редким исключением можно считать статью Д. Горелова, в которой содержится вдумчивый институциональный анализ украинской диаспоры в США, а также сложностей, преодолеваемых ею в ходе продвижения собственных интересов [3]. Большинство зарубежных авторов (В. Сацевич, М. Холмс)

¹ The Federalist Papers by Alexander Hamilton, John Jay, and James Madison. №10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gutenberg.org/files/1404/1404-h/1404-h.htm#link2H_4_0010.

обращают внимание на культурные особенности развития диаспоры, отмечая, что для формирования идентичности иногда возникала необходимость отстаивать собственные интересы [11; 14]. Иными словами, тема влияния украинской диаспоры во внешней политике США нуждается в основательной научной дискуссии, которую мы предлагаем начать настоящей публикацией.

Формирование украинской идентичности в условиях диаспоры

Украинская диаспора сформировалась в ходе четырёх волн миграции из Российской империи, Австро-Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии, СССР и Украины в США. Первая волна пришлась на период 1870–1914 гг. и включала в себя преимущественно крестьян из Буковины и Галиции, которые были частью Австро-Венгерской империи. Вторая волна (1918–1939 гг.) также состояла преимущественно из крестьян выше перечисленных регионов, вошедших после распада Австро-Венгрии в состав Польши, Румынии и Чехословакии. С третьей волной (1945–1955 гг.) в США прибыли в основном активисты украинских националистических организаций и сочувствовавшие им жители Западной Украины, бежавшие из СССР. Последняя – четвёртая волна – началась в конце 1980-х гг. и формально продолжается до сих пор. Как и первые две волны, она включает в себя главным образом экономических мигрантов [4, с. 31]. По существующим оценкам, до 1914 г. в США переселилось до 350 тыс. украинцев (малороссов, русинов, карпаторосов, галичан, буковинцев). В межвоенный период в страну прибыло 10–30 тыс. украинцев, в 1945–1955 гг. – до 100 тыс. [5, с. 12–15]. В украинской литературе диаспора в США называется «западной» и активно противопоставляется проживающей на постсоветском пространстве «восточной»: именно «западная» диаспора считается хранителем «украинскости», едва ли не единственным ресурсом политической модернизации современной Украины [3, с. 53–55].

Интересно, что «украинскость» диаспоры, то есть её отождествление с украинцами, выработалась уже после переселения в США. Дело в том, что до середины XIX в. жители Галиции и Буковины не осознавали себя в качестве отдельной этнической группы, часто считали себя поляками, хотя говорили не на польском языке². Почти всю вторую половину XIX в. местные интеллектуалы отстаивали самоназвание «русины», нередко с прибавлением локальных топонимов (галицко-русский народ, карпаторосы и т.д.): самоназвание «украинцы» начало закрепляться лишь в начале XX в. Более того, мыслители Галиции, Буковины и Закарпатья в этот период не вполне понимали, являются ли малороссы (украинцы) в Российской империи отдельной этнической группой или частью единого народа [8, с. 342–347]. Естественно, что эти дилеммы не слишком зани-

² Речь не идёт о том, что украинцев в принципе не существовало или что они были выдумкой австро-венгерского Генштаба. Украинцев не существовало как общности (как «воображаемого сообщества» Б. Андерсона).

мали крестьян, мигрировавших в Новый Свет. Однако вслед за экономическими мигрантами в Северную Америку устремились и интеллектуалы – прежде всего, священнослужители греко-католической церкви. Именно они перенесли в диаспору дискуссии о самосознании и необходимости чётко очертить границы собственной идентичности.

Как и в некоторых других американских диаспорах (например, польской и ирландской), дискуссия о самоидентификации велась двумя крупными группами – условными клерикалами и секуляристами. Греко-католический союз придерживался мадьярофильской ориентации и отстаивал самоназвание «русины» (иногда даже «угро-русины» и «греки»), поскольку этот союз представлял выходцев из Австро-Венгрии: в империи доминировали именно такие этнонимы. Свою лепту в дискуссию пытались вносить немногочисленные сторонники ортодоксального православия, связанные с РПЦ и продвигавшие идею «триединого народа» (великоросы-малоросы-белорусы) – например, священнослужители Алексей Товт и Александр Хотовицкий. «Украинофильское» течение возникло лишь в конце XIX в. и обычно связывается с приездом семи национально ориентированных греко-католических священнослужителей из Львова. Хотя окончательно самоназвание «украинцы» устоялось только в межвоенный период (1918–1939 гг.), «украинофильское» течение начало набирать силу несколько ранее: первая социально-политическая организация украинцев, Русинский национальный союз (возник в 1894 г.), в 1914 г. переименовалась в Украинскую национальную ассоциацию [14, p. 35–46].

Формирование украинской идентичности в условиях диаспоры привело к двум важным последствиям.

Во-первых, большинство украинской диаспоры в США (за исключением четвёртой волны) стало исповедовать т.н. «оборонительный национализм»³, который с подозрением относится к другим этническим группам в силу собственной шаткости. Вторая и, в особенности, третья волна миграции украинцев в США добавили в этот «оборонительный национализм» значительную долю антисоветизма и неприятия России (СССР воспринимался ими как политический проект Москвы). Впоследствии это вызвало стремление потомков мигрантов второго и последующих поколений перенести знакомые им американские политические институты на украинскую почву: других институтов эти представители диаспоры нередко не знали [11, p. 143].

Во-вторых, сложный процесс формирования диаспоральной идентичности обусловил возникновение разветвлённой сети организаций, которые стали

³ «Оборонительным национализмом» называется совокупность идеологических установок, выдвигаемых от имени определённой этнонациональной или (реже) религиозной группы. Эти идеологические установки представляют собой попытки легитимации права данной группы на существование при наличии как минимум одного из трёх вызовов: отсутствие собственной государственности, сомнения в способности создать собственную государственность, слабость или (и) многосоставность идентичности группы. Нередко «оборонительным национализмом» называют защиту народами своих политико-культурных прав в условиях оккупации или колониализма, то есть противодействие внешним факторам дезинтеграции этнонациональной группы.

конкурировать друг с другом. По разным данным, в настоящее время в США существует 13 политических, 12 профессиональных, 29 кредитных и несколько молодёжных и женских украинских организаций [4]. Среди наиболее значимых необходимо отметить Лигу американских украинцев (создана в 1924 г.), Ассоциацию украинской культуры (возникла в 1965 г.), Украинский научный институт Гарвардского университета (открыт в 1973 г.). Большинство этих организаций носит культурный или социальный характер, то есть способствует сохранению и распространению украинской культуры, а также осуществляет поддержку отдельных членов диаспоры (так называемые «братства» – fraternal organizations) [4, с. 32].

По разным данным, на сегодняшний день в США проживают до 2 млн украинцев [7, с. 164]. Очевидно, что часть украинцев находится в стране нелегально (например, в результате превышения разрешённого срока пребывания), поскольку официальная статистика насчитывает менее миллиона человек (986 тыс.)⁴. Преимущественно, нынешние представители диаспоры – это мигранты во втором (третья волна) и третьем–четвёртом (первая волна) поколениях. В то же время, увеличение численности украинцев в США происходит, в основном, за счёт прибытия новых выходцев из Украины. В последние десятилетия наблюдается сокращение участия молодёжи в деятельности диаспоральных организаций (в том числе, в скаутской организации «Пласт»). По имеющимся оценкам, процессы ассимиляции выходцев из Украины также приобретают определённую динамику: лишь около 20% представителей «западной» диаспоры свободно владеют украинским языком. Это делает практически неизбежным «конфликт поколений» – только прибывших мигрантов и их детей с потомками тех, кто прибыл в США три или четыре поколения назад. Этот конфликт касается определения приоритетных вопросов для диаспоры (проблемы исторической памяти, религиозная принадлежность – или проблемы обустройства на новом месте, финансовая взаимопомощь, акцент на локальной повестке дня), вопросов лидерства (какие организации представляют диаспоры, могут ли организации мигрантов четвёртой волны действовать отдельно от остальных американцев украинского происхождения) и отношений с остальными группами населения в США (например, с выходами из России или Польши) [3, с. 55]. Иными словами, «конфликт поколений» – это борьба за определение доминирующей идентичности украинской диаспоры в США.

Стимулировать консолидацию диаспоры могли бы интенсивные контакты со страной происхождения – Украиной. С 2014 г. такие связи стали крепче: ряд представителей диаспоры даже получил должности в исполнительных органах власти Украины (бывший министр финансов Н. Ярецько, министр здравоохранения У. Супрун). Ежегодные встречи с представителями украинской общины в

⁴ Бюро переписи США [Электронный ресурс]. URL: <https://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?src=bkmk> (дата обращения: 10.09.2017).

США стал проводить президент П. Порошенко, а украинское посольство в Вашингтоне активно взаимодействует с диаспоральными организациями и привлекает их к сотрудничеству через институт почётных консулов. Однако пока преобладает формальное отношение украинских органов власти к отношениям с диаспорой: если представители власти Украины и занимаются продвижением своих интересов Вашингтоне, то предпочитают нанимать профессиональных лоббистов.

Институты и действующие лица украинского лобби в США

Ключевая политическая зонтичная организация американцев украинского происхождения и украинцев в США – это Комитет Конгресса украинцев в Америке (ККУА), который избирается Конгрессом украинцев Америки раз в четыре года. Комитет был создан для преодоления внутренних разногласий и заменил существовавшее до этого Объединение украинских организаций Америки (создано в 1922 г.). Идеологически Комитет близок к крайним националистическим позициям; примечательно, что в него входят представители таких организаций, как «Братство ветеранов 1-ой дивизии Украинской национальной армии»⁵ и «Братство ветеранов Украинской повстанческой армии». Обычно в условиях американского общества столь сильный национализм считается крайностью, но из-за склонности к пропаганде антироссийских взглядов национализм украинской диаспоры в значительной степени ограждён от подобной критики.

Внутри Комитета возникали и возникают разногласия между сторонниками двух разновидностей украинского национализма, в частности, между «мельниковцами» и «бандеровцами» – разными ответвлениями Организации украинских националистов (ОУН)⁶. Внутренним брожением среди диаспоры способствовал переезд в Чикаго из Мюнхена уроженца Буковины адвоката и издателя Д.В. Квитковского, который был первым заместителем руководителя, а затем и главой мельниковской ОУН (1977–1979). Именно поэтому дважды (в 1966 и в 1980–1981 гг.) Комитет переживал крупные расколы, когда некоторые представители диаспоры пытались ослабить позиции «бандеровцев в эмиграции».

Комитету подчинены 48 региональных отделений, расположенных преимущественно на восточном побережье США (в основном, в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси). Одно из отделений расположено в г. Вашингтон и осущест-

⁵ В конце апреля 1945 г. дивизия СС «Галиция» была номинально передана в подчинение УНА, которая, в свою очередь, входила в состав вермахта.

⁶ В 1940 г. Организация украинских националистов раскололась. Часть членов организации последовала за Андреем Мельником, формальным «вождем» ОУН. Более молодые участники ОУН, имевшие опыт подпольной работы на украинских территориях в составе Польши, провозгласили своим руководителем Степана Бандеру. Идеологически эти ветви ОУН практически не различались: «мельниковцы» более открыто выступали за сотрудничество с Германией, пытались копировать принципы организации фашистских партий в Европе. После 1945 г. разногласия сторонников Мельника и Бандеры свелись, в основном, к вопросу о лидерстве.

влияет коммуникацию с представителями органов исполнительной и законодательной власти. Традиционно, для продвижения собственных интересов представители украинской диаспоры используют возможности «встроенных лоббистов» (представителей и сторонников диаспоры в государственном аппарате и выборных органах) и воздействия на политическую дискуссию с помощью экспертной среды. Эту традицию заложил профессор экономики Джорджтаунского университета Лев Добрянски, президент Комитета в 1949–1954 и 1962–1983 гг. Добрянски позиционировал себя как специалист по «тоталитарным» экономикам и высказывался за усиление давления на СССР. В качестве эксперта-советолога глава Комитета Конгресса украинцев в Америке консультировал Государственный департамент, разведывательные службы США и палату представителей, что помогло ему наработать контакты в Вашингтоне. В 1960–1970-е гг Л. Добрянски сблизился с Республиканской партией и на общественных началах помогал в организации съездов партии. В благодарность за эти услуги президент Р. Рейган назначил Добрянски послом США на Багамских островах (1982–1986)⁷.

В карьере Л. Добрянски отметим два ключевых момента. Первый произошёл в 1959 г., когда обе палаты Конгресса приняли написанную Добрянски резолюцию «О покорённых народах» с призывом к президенту ежегодно проводить Неделю покорённых народов. Президент Д. Эйзенхауэр положил начало традиции объявлять данную Неделю: в это время проводились мероприятия, посвящённые борьбе за свободу народов СССР и стран Варшавского договора. Во-вторых, рост политического веса Л. Добрянски был связан с приходом к власти Дж. Форда, ставшего президентом США после отставки Р. Никсона. Форд более двадцати лет (1949–1973) представлял в палате представителей штат Мичиган, а на территории его округа до сих пор проживает значительное число потомков выходцев из Польши, Литвы и Украины. Более того, будущий президент изучал историю Восточной Европы в Университете Мичиган и потому с уважением относился к восточноевропейским диаспорам в США. Дж. Форд стал проводить регулярные встречи с лидерами восточноевропейских организаций, и Лев Добрянски участвовал в этих встречах как представитель украинской общины в США⁸.

В 1984 г. американцы украинского происхождения, работавшие в Вашингтоне в различных ведомствах, создали так называемую «Вашингтонскую группу». Эта группа позиционирует себя как объединение «профессионалов украинско-американского и иного происхождения», созданное для обсуждения проблем Украины и американо-украинских отношений. Группа регулярно проводит светские мероприятия для широкой публики и организует научные конферен-

⁷ Lev E. Dobriansky, 89; Professor and Foe of Communism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/02/05/AR2008020503179.html> (дата обращения: 10.09.2017).

⁸ Memorandum of conversation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fordlibrarymuseum.gov/library/document/0314/1553184.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).

ции⁹. Через созданный ею Культурный фонд и Фонд стажировок осуществляется поддержка творчества украинцев и американцев украинского происхождения, а также прохождение студенческой практики в украинском посольстве в США. Один из прежних руководителей Вашингтонской группы, бывший служащий Министерства юстиции И. Котлярук сейчас возглавляет региональное отделение ККУА в Вашингтоне¹⁰. Именно благодаря его личным связям под неформальным контролем вашингтонского отделения ККУА находится не только «Вашингтонская группа», но и Фонд «США–Украина», Украинский федеральный кредитный союз, Украина-американская военная ассоциация, а также Федерация украино-американского бизнеса и профессионалов¹¹.

Характерным примером продвижения своей повестки дня украинской диаспорой в США стали дебаты 1998–1999 гг. в Конгрессе по поводу выделения Украине финансовой помощи. Председатель Подкомитета по внешним операциям, финансированию экспорта и смежным программам Комитета по ассигнованиям республиканец Гербер «Сонни» Кэлахан (1994–2000) резко выступал против предоставления помощи различным государствам, стремясь сократить расходы федерального бюджета. Мишенью Кэлахана стала и финансовая помощь Украине – прежде всего, речь шла о средствах, выделяемых в соответствии с законом «О поддержке свободы» 1992 г. В 1997 г. администрация У. Клинтона предложила выделить Киеву 225 млн дол., однако республиканцы из числа фискальных консерваторов настаивали на значительном уменьшении этой суммы. Поводом для их атак стали сообщения о проблемах американского бизнеса на Украине и росте коррупции в стране. В порядке компромисса Конгресс обязал президента уведомлять парламент о положении американских предпринимателей на Украине. В 1998 г. Конгресс утвердил ассигнования Киеву в несколько меньшем объёме – 195 млн дол. В 1999 г. украинские диаспоральные организации и Украинский кокус в Палате представителей добились проведения слушаний в подкомитете Кэлахана. Помимо членов кокуса демократа Мориса Хинчи (украинец по матери) и республиканца Роберта Шаффера, на слушаниях в подкомитете Кэлахана выступил представитель ККУА Майкл Савкив-младший. Аргументация Хинчи, Шаффера и Савкива сводилась к тому, что Украина демонстрирует прогресс на пути демократизации, а экономическая ситуация на Украине недостаточно стабильна, так что сокращение помощи может замедлить демократизацию в стране и только увеличит коррупцию¹². В результате в 2000 г. вместо 219 млн дол., запрошенных администрацией Клинтона, Укра-

⁹ Our mission [Электронный ресурс]. URL: <http://twgadmin.webhost4life.com/whoweare.htm> (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁰ The Washington Group elects Ihor Kotlarchuk as president [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrweekly.com/old/archive/2000/240015.shtml> (дата обращения: 10.09.2017).

¹¹ Directory of Ukrainian Organizations in the Diaspora. Sorted by Region [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brama.com/diaspora/us-washingtondc.html> (дата обращения: 10.09.2017).

¹² Hearings before a subcommittee of the Committee on appropriations. House of Representatives. One hundred sixth Congress. First session [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhrg56751/html/CHRG-106hhrg56751.html> (дата обращения: 10.09.2017).

ина получила чуть более 180 млн¹³. Несмотря на сокращение объёма средств (приблизительно на 20% за три года), лоббистские усилия ККУА и Украинского кокуса в нижней палате Конгресса позволили сохранить помощь Украине как таковую.

Как правило, организации украинской диаспоры предпочитают косвенные методы воздействия на принятие решений – особенно на этапе формирования политической повестки, обсуждения возможных альтернатив. Продвижение интересов украинской диаспоры через экспертные круги и бюрократов низшего и среднего эшелона позволяет вышеперечисленным организациям в меньшей степени обращаться к таким прямым механизмам лоббизма, как официальные (и оплачиваемые) контакты лоббистов с представителями органов власти, подготовка законопроектов и проектов резолюций палат Конгресса, выступления на официальных слушаниях.

Среди наиболее значимых американских экспертов и чиновников, которые, будучи представителями диаспоры, активно участвовали в дискуссиях по украинской проблематике, необходимо отметить специального помощника президента Дж. Форда по этническим вопросам М. Куропася, бывшего директора Украинского исследовательского института Гарвардского университета Р. Шпорлюка, бывшего заместителя Госсекретаря США П. Добрянски (дочь Л. Добрянски), профессора Ратгерского университета историка А. Мотыля, профессора экономики Гарвардского университета и советника по экономическим вопросам Дж. Буша-младшего Г. Манкива, бывшего сотрудника организации «Фридом хаус» и старшего исследователя Атлантического Совета А. Каратницкого. Широко известно, что, например, Каратницкий активно публикуется в крупнейших печатных изданиях, выступает на экспертных мероприятиях и одновременно возглавляет консалтинговое агентство¹⁴.

На ход обсуждения американской внешней политики по проблематике Украины известное влияние оказывают журналисты украинского происхождения, в т.ч. А. Фечко (кинодокументалист, ранее телекомментатор), М. Смеркониш («Си-Эн-Эн», телеведущий). Однако их высказывания нередко связаны с редакционной политикой и обусловлены общим идеологическим настроем в СМИ. Аналогично, позиции экспертов часто завязаны на мнение заказчиков, отточены в результате конструктивной и, наоборот, идеологизированной критики коллег.

Представляется, что из имеющихся непрямых механизмов лоббизма [9, р. 151–155] украинские диаспоральные структуры предпочитают политическую

¹³ New independent states [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/3971.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁴ Для сравнения: с 2014 г. Адриан Каратницкий опубликовал в New York Times 4 материала, в The Washington Post – 2, в The Atlantic – 1, в Foreign Policy – 2, на сайте журнала World Affairs – 2; Александр Мотыль опубликовал в The Washington Post – 4 материала, в The Atlantic – 5, в Foreign Policy – 5, в Foreign Affairs – 16 (в том числе, 1 статью в печатной версии издания), на сайте журнала World Affairs – 3. Учтены печатные публикации и публикации на сайтах соответствующих изданий.

рекламу, интервью в СМИ, массовые акции (например, протесты перед посольством России), но избегают участия в политических кампаниях и взносов в поддержку определённых кандидатов. Об этом свидетельствует отсутствие официальных данных о взносах диаспоральных организаций в фонды избирательных кампаний и комитетов политического действия, а также открытых призывов зонтичных организаций украинской диаспоры голосовать за того или иного кандидата. Тем самым, украинские диаспоральные структуры в большей степени обращаются к информационным, а не финансовым инструментам продвижения своих интересов.

Усилению украинской диаспоры в США способствует отсутствие серьёзных оппонентов в публичной дискуссии. Более того, любые попытки России выступить с содержательными возражениями приводят скорее к обратному результату [2, с. 83]. К сожалению, экспертное и медийное обсуждение проблем постсоветского пространства в США практически полностью воспроизводит позицию антироссийских сил [1, с. 50–51]. Представляется, что такое положение дел стало результатом не только пассивности пророссийских групп интересов, но и следствием исторических особенностей положения восточноевропейских диаспор в американском обществе. В течение всей холодной войны организации и отдельные представители восточноевропейских диаспор были самыми яркими оппонентами коммунизма, выступали с наиболее резкими оценками политики СССР. Безусловно, это совпадало с общими настроениями американского общества и вряд ли восточноевропейские диаспоры определяли повестку дня [10, с. 315–318]. Тем не менее, заикленность на вопросах противодействия СССР и «глобальному коммунизму» создала этим диаспорам (в т.ч. украинской) определённую репутацию. В наши дни риторика холодной войны в США вновь находит свою аудиторию, многие американцы не различают СССР и современную Россию. В таких условиях, многолетний «этнический антикоммунизм» восточноевропейских диаспор становится востребованным. Более того, тиражирование недостоверных сведений о действиях России в отношении США (кибершпионаж, «вмешательство в выборы») даёт основания таким диаспорам утверждать, что они были правы всегда.

Сотрудничество украинской и других восточноевропейских диаспор по политическим вопросам

Важной стороной политической деятельности организаций украинской диаспоры является участие в работе Коалиции центрально-европейских и восточноевропейских народов. Эта зонтичная структура диаспоральных организаций была создана в 1994 г. и первоначально имела весьма узкую цель содействовать приёму в НАТО Польши, Венгрии и Чехии. Постепенно состав Коалиции расширился, так что сейчас она объединяет 13 различных диаспор, включая гру-

зинскую и армянскую¹⁵. Американцев украинского происхождения и выходцев из Украины в Коалиции представляет Комитет Конгресса украинцев в Америке. Коалиция стремится координировать деятельность диаспоральных организаций и оказывать влияние на органы законодательной и исполнительной власти США по актуальным вопросам.

Деятельность Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов сосредоточена вокруг четырёх ключевых направлений политики США в Европе и на постсоветском пространстве.

1. Вопросы исторической памяти и исторической политики: признание геноцида армян в 1915 г. и Голодомора как геноцида; официальное утверждение «Дня чёрной ленты» – даты памяти коммунистических и нацистских режимов.

2. Финансирование проектов по «продвижению демократии», особенно в Грузии, Армении, Беларуси и на Украине.

3. Расширение НАТО на Восток: подготовка Украины и Грузии к перспективе членства в Альянсе.

4. Усиление мер военно-политического и экономического сдерживания в отношении России: мониторинг исполнения «Акта Магнитского», поддержка санкционных законопроектов, диверсификация поставок энергоресурсов в Восточную и Центральную Европу.

После событий «Революции достоинства» на Украине в 2014 г. и воссоединения Крыма и Российской Федерации, в Коалиции естественным образом возникла ещё одна тема для лоббистской деятельности – «борьба с российской агрессией». Однако среди участников коалиции нет единого понимания того, какие формы эта борьба должна приобретать. Представительские структуры прибалтийских, польской и украинской диаспор заняли наиболее жёсткую позицию и продвигали меры по усилению военного потенциала НАТО в Восточной Европе, высказываясь за предоставление Украине всех форм помощи, включая передачу наступательных вооружений. В частности, в типовом письме Объединённого американо-балтийского национального комитета по поводу воссоединения Крыма и России сказано: «Это опасные прецеденты, подрывающие принцип неприкосновенности границ. В 2008 г. Москва уже создала такой прецедент путём захвата грузинской территории и продолжающейся оккупации Абхазии и Южной Осетии. Набирающая обороты практика вмешательства Москвы во внутренние дела других стран демонстрирует видение Путина того, как должна быть устроена Украина, чтобы удовлетворять экономические интересы России»¹⁶.

В то же время венгерская и армянская диаспоры заняли компромиссную позицию, они декларативно поддерживали новый режим в Киеве, но не видели необходимости оказывать ему активную поддержку.

¹⁵ В составе Коалиции организации, представляющие следующие диаспоры: армянскую, белорусскую, болгарскую, венгерскую, грузинскую, латышскую, литовскую, польскую, румынскую, словацкую, украинскую, эстонскую, чешскую («чехословацкую»).

¹⁶ JBANC delivers Ukraine support letters to all Senate offices [Электронный ресурс]. URL: <http://jbanc.org/?page=blog&v=4&id=33> (дата обращения: 10.09.2017).

Американо-венгерская ассоциация выразила обеспокоенность судьбой венгерской диаспоры на Украине и указала на недостатки революционного режима, обосновывая тем самым свою выжидательную позицию: «В то время как значительное внимание уделяется вопросам конфликта украинской и русской этнических общин и спорам по поводу законов, направленных на разрешение или ограничение использования русского языка на официальном уровне, потребности венгерского меньшинства в основном игнорируются. [...] Парадоксально, но венгерская этническая община оказалась в более выгодном положении, когда пророссийский президент Янукович с целью поддержки своего русскоязычного электората снял законодательные ограничения в языковой сфере. Хотя венгры на Украине не поддерживали Януковича и не занимали пророссийские позиции, они опасаются украинских националистов, которые продемонстрировали своё пристрастие к вандализму над памятниками венгерской общины и к насилию над гражданами по этническому принципу»¹⁷.

Армянская ассамблея Америки (ААА) вообще воздержалась от официального высказывания своей позиции по Украинскому кризису и предпочла сфокусироваться на более узкой повестке – урегулировании нагорно-карабахского конфликта, финансовой помощи США Армении, официальном признании геноцида армян. Позиция Армянской ассамблеи Америки оказалась предельно нейтральной, организация отказывается от высказывания поддержки как Украины (к чему формально обязывает участие в Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов), так и России. В то же время, один из ключевых лоббистов армянской диаспоры, вице-председатель армянского кокуса в палате представителей А. Шифф стал одним из основных спикеров Демократической партии по российской проблематике, причём его выступления носят ярко выраженный антироссийский характер.

По итогам внутренних дискуссий 2014–2016 гг. Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов всё же заняла позицию осуждения «российской агрессии» и высказалась за оказание мер экономического давления на Москву. В частности, Коалиция поддержала законопроекты и заявления палат Конгресса с требованиями освобождения Надежды Савченко, вывода «российских войск» с территории Донбасса, проведения экономических и институциональных реформ на Украине, непризнания «аннексии» Крыма, сотрудничества американских и украинских спецслужб, борьбы с «российской пропагандой» и др. Такой подход фокусировал внимание на России и неприятию её действий, но, в то же время, позволял избегать характеристики политического режима, сложившегося в Киеве.

Вместе с тем Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов воздержалась от поддержки популярной среди украинских националистов (как в самой Украине, так и за её пределами) идеи в интересах будущего

¹⁷ AHF Statement for Immediate Release (February 28, 2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.americanhungarianfederation.org/docs/AHFStatement_Ukraine_2014-02-27.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

отказаться (хотя бы временно) от русскоязычного Донбасса, который служил тормозом развития украинского этнического государства. В частности, эту точку зрения активно продвигал известный представитель украинской общины Нью-Йорка А. Мотыль¹⁸.

Организациям украинской диаспоры и Коалиции центральноевропейских и восточноевропейских народов удалось установить контакты с целым рядом американских законодателей. В 1997 г. в палате представителей был создан украинский кокус, который ныне возглавляют члены палаты представителей демократы от штата Огайо М. Каптур (польско-украинского происхождения) и штата Мичиган С. Левин, а также республиканцы от штата Мэриленд Э. Харрис (венгерско-польского происхождения) и от штата Пенсильвания Б. Фитцпатрик. В 2015 г. украинский кокус возник и в Сенате; его возглавили демократ от штата Иллинойс с литовским корнями Д. Дурбин и республиканец от штата Огайо Р. Портман. Установлению контактов Коалиции с некоторыми конгрессменами и сенаторами, вероятно, способствовало их восточноевропейское происхождение.

Большое значение для политической деятельности имеет и географическое расселение восточноевропейских (и, в частности, украинской) диаспор. Все вышеперечисленные законодатели представляют северо-западные штаты и Средний Запад, где преимущественно и проживают представители восточноевропейских диаспор [2, с. 77]. По существующим оценкам, к представителям украинской диаспоры в штате Нью-Йорк относятся 101 тыс., в Пенсильвании – 91 тыс., в Нью-Джерси – 49 тыс., в Иллинойсе – 35 тыс. чел. В относительном выражении, это не такие значительные цифры: всего лишь в 20 графствах доля американцев украинского происхождения и выходцев из Украины превышает 1%. Однако с учётом других восточноевропейских диаспор (даже без учёта диаспор из Закавказья) доля диаспоральных голосов вырастает до уровня более в штатах Коннектикут, Иллинойс, Мичиган, Нью-Джерси, Пенсильвания и Висконсин превышает 10%, а в штате Огайо достигает 8%¹⁹.

Электоральное влияние выходцев из Восточной Европы связано с высокой степенью натурализации, то есть получения гражданства после переселения в США. Если до Второй мировой войны доля натурализованных восточноевропейских мигрантов колебалась на уровне 20–30%, то после 1965 г. этот показатель стабильно один из самых высоких по сравнению с другими группами мигрантов (60–70%). По имеющимся данным, 74% переселившихся из Украины получили гражданство США в 1965–2000 гг., а в период 1991–2000 гг. этот показатель составил 67%. В то же время, получение гражданства не равносильно участию в выборах. По существующим расчётам, не учитывающим мигрантов

¹⁸ Motyl A.J. Putin's Trap. Why Ukraine Should Withdraw from Russian-Held Donbas. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-09-01/putins-trap> (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁹ Ukrainians in the U.S.: The importance of voting [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrweekly.com/uwwp/ukrainians-in-the-u-s-the-importance-of-voting/> (дата обращения: 10.09.2017).

второго и последующих поколений, в 2010 г. только треть (37%) натурализованных мигрантов из Восточной Европы участвовали в выборах (у выходцев из Украины показатель выше – 47%), ещё 16% были зарегистрированы в качестве избирателей, но не приняли участие в выборах (среди мигрантов из Украины 19%) [13, p. 177–181, 198].

Особенности расселения восточноевропейских диаспор, а также деятельность их Коалиции наглядно демонстрируют определённые слабости украинской диаспоры. Во-первых, в повестке дня диаспоры практически отсутствуют вопросы внутренней политики США, которые традиционно значимы для представителей органов законодательной и исполнительной власти. Более того, наличие таких вопросов (здравоохранение, миграционная система, налоговая реформа) могло бы способствовать включению диаспоральных организаций в крупные зонтичные структуры с другими типами организаций – религиозными, корпоративными, профсоюзными. Во-вторых, украинская диаспора в США остаётся младшим партнёром в Коалиции восточноевропейских и центрально-европейских народов и вынуждена поддерживать коалиционную дисциплину. В частности, организации украинской диаспоры должны поддерживать проект документов с упоминанием о геноциде армян в 1915 г. и о визовых послаблениях для граждан Польши. Очевидно, что эти темы не входят в круг приоритетов для украинской диаспоры: тем самым, размывается повестка дня диаспоры, ослабляются её сигналы для СМИ.

В то же время, при консолидированном голосовании голоса украинской диаспоры могут оказывать некоторое влияние на итоги выборов, особенно на локальном уровне и на уровне штата. Для усиления эффекта и выхода на федеральный уровень необходимы голоса всех восточноевропейских диаспор.

Антироссийская кампания в США и роль украинской диаспоры

Традиционно украинская диаспора в США имеет более тесные контакты с Республиканской партией. Этим можно объяснить участие в диаспоральных мероприятиях сенаторов-республиканцев Дж. Маккейна (Аризона) и Дж. Баррассо (Вайоминг). Однако в последнее время многие украинские этнолоббистские структуры делают выбор в пользу связей с обеими системными партиями в США, правда, с переменным успехом.

Президентская кампания 2016 г. способствовала глубокому идеологическому расколу украинской диаспоры. Среди диаспорантов распространено мнение, что администрация Б. Обамы и лично госсекретарь Х. Клинтон не сделали всего возможного для защиты Украины от «российской агрессии». С другой стороны, республиканский кандидат Д. Трамп неоднократно выступал с идеей наладить отношения с Россией, что не могло не оттолкнуть тех, кто убежден в негативном влиянии Москвы на процессы на Украине. Прежний глава ККУА Т. Олексий даже публично заявила о своём недоумении соответствующими высказывани-

ями Трампа²⁰. По данным СМИ, чтобы вернуть расположение украинской диаспоры законодатели-республиканцы (например, сенатор Р. Портман) устраивали частные встречи с лидерами восточноевропейских диаспор, где фактически пообещали выполнять практически всё, что от них потребуют²¹.

Президентская кампания и последовавший за ней шлейф скандалов, связанных с обвинениями России во вмешательстве в выборы в США, привели к тому, что повестка дня восточноевропейских диаспор получила национальное звучание и широкую двухпартийную поддержку. Если в 2015 г. Конгресс принял только два документа, о поддержке которых публично заявила Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов, то в 2017 г. таких законопроектов и проектов резолюций палат Конгресса стало 11. Конечно, речь не идёт о том, что восточноевропейские (в частности, украинская) диаспоры диктуют в США внешнеполитическую повестку дня. Правильнее говорить об особом политическом моменте: проигравшие движению Д. Трампа демократы и их сторонники в ведущих СМИ объявили ключевой причиной своего поражения «российское вмешательство». В этой обстановке особым вниманием стали пользоваться любые антироссийские аргументы, набор которых издавна пестует Коалиция центральноевропейских и восточноевропейских народов. Такие активисты борьбы с «российской угрозой», как сенатор Дж. Маккейн, используя политическую конъюнктуру, переключились на украинский конфликт, хотя ещё несколько лет назад призывали американцев солидаризироваться с Грузией (в августе 2008 г. кандидат от республиканцев Дж. Маккейн на одном из митингов своей президентской кампании провозглашал: «Сегодня мы все – грузины»)²².

Отметим, что у исполнительной власти США более сложные отношения с украинской диаспорой и её лобби, чем у американских законодателей. С одной стороны, в ходе своей избирательной кампании Д. Трамп стремился получить голоса в штатах со значительными восточноевропейскими диаспорами – в Пенсильвании, Мичигане и Огайо. Особенно удачно это получилось с польской диаспорой: хотя в целом американцы польского происхождения голосовали за Х. Клинтон, в «колеблющихся штатах» Среднего Запада эта диаспора добавила Трампу до 500 тыс. голосов²³. Для этого республиканскому кандидату в президенты пришлось лично встречаться с представителями польской диаспоры и дать им обещание обеспечивать безопасность Польши. С другой стороны, Д. Трамп рассматривает борьбу Украины с «российской агрессией» скорее как препятствие серьёзному диалогу с Москвой по ближневосточным и другим

²⁰ Welcome to Ukrainian-Americans, the Latest Constituency Alienated By Trump [Электронный ресурс]. <http://m.huffpost.com/us/entry/11614454> (дата обращения: 10.09.2017).

²¹ Ukrainian-Americans, Long Fond of the G.O.P., Greet Donald Trump With Despair [Электронный ресурс]. <https://nytimes.com/2016/08/23/sports/ukrainian-americans-gop-donald-trump.html> (дата обращения: 10.09.2017).

²² McCain to Georgian President: «Today, We Are All Georgians» [Электронный ресурс]. URL: <http://voices.washingtonpost.com/44/2008/08/mccain-to-georgian-president-t.html> (дата обращения: 10.09.2017).

²³ Flaxman S. New Questions, New Answers? A Preliminary Micro-level Statistical Analysis of the 2016 US Presidential Election [Электронный ресурс]. URL: https://medium.com/@flaxter_85271/new-questions-new-answers-22a103ff2811#.e24mhcm2d (дата обращения: 10.09.2017).

проблемам. Кроме того, не сложились и личные отношения Трампа и президента Украины П. Порошенко, команда которого прикладывала усилия для предотвращения победы Трампа на выборах в США. Всё это снижает эффективность попыток диаспоры побудить Белый дом к оказанию Украине безграничного содействия.

С организационной точки зрения украинская диаспора в США сравнительно слаба, но она гораздо сильнее как обладатель символической власти, права называть и интерпретировать. Именно диаспоральная рамка интерпретации украинской истории стала основой для нациестроительства на Украине после распада СССР.

Наиболее существенным аспектом влияния украинской диаспоры на внешнюю политику США также является формирование рамки интерпретации – в данном случае интерпретации украинского вопроса в американской внешней политике. Связанные с диаспорой интеллектуалы претендуют на монополию в интерпретации проблем безопасности и нациестроительства в Восточной Европе, голода на Украине в 1930-х гг., деятельности ОУН и УПА, событий украинского кризиса и других связанных вопросов. В условиях снижения значимости восточноевропейского досье в американской внешней политике и в глазах общественности, значимость этой темы постоянно подчёркивается идеологически мотивированными и энергичными профессорами, публицистами и общественными деятелями²⁴. Ключевые аргументы этой группы просты: Украина всегда подвергалась российской агрессии, а великая Америка остаётся её последней надеждой. Этот упрощённый, но вполне искренний посыл использует библейскую метафору битвы Давида с Голиафом, он хорошо воспринимается американской публикой и политическими кругами в силу их общей уверенности в праведности политических целей США в Восточной Европе и симпатии по отношению к малым и притесняемым народам. На этом фоне обращённые к США российские аргументы в духе политического реализма о необходимости достижения баланса в европейской безопасности и недопущения региональной дестабилизации чаще всего не доходят до адресата, поскольку считаются циничными и идейно неполноценными. Основанные на исторических фактах российские аргументы о голоде в СССР или деятельности ОУН и УПА нередко дисквалифицируются как пропаганда.

В целом, украинская диаспора в США располагает разветвлённой сетью организаций. Благодаря возникновению выгодного информационного фона, украинская диаспора сумела донести свою позицию до ключевых членов обеих палат Конгресса (так Д. Дурбин – партийный организатор меньшинства в Сенате). Это стало возможным благодаря использованию потенциала бюрократов низшего и среднего уровня – выходцев из диаспоры и синергии усилий едино-

²⁴ Можно говорить о существовании «академического украинства» в США. В карьерах большинства международных пропагандистов «голодомора» отчётливо прослеживается влияние украинских профессоров-националистов. См. биографии Тимоти Снайдера, Роберта Конквеста, Энн Эпплбаум, Сергея Плохия и др.

мышленников в коалиции восточноевропейских диаспор. Участие в Коалиции позволило украинской диаспоре усилить эффект от так называемого «этнического голосования», а также привлечь внимание заинтересованных выборных лиц. Однако относительная малочисленность диаспоры и недостаток финансирования лоббистских мероприятий делает её успех сильно зависимым от международной конъюнктуры. Символическая власть остаётся наиболее весомым инструментом влияния украинской диаспоры на внешнюю политику США.

Список литературы

1. Каневский П.С., Шариков П.А. Трансформация института лоббизма в США в XXI веке и вызовы для России // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 5 (569). С. 43–55.
2. Троицкий М.А. Конгресс и политика США в отношении Украины // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 3 (531). С. 75–84.
3. Горелов Д.М. Інституційна інтеграція української діаспори в громадянське суспільство у державах поселення // Стратегічні пріоритети. 2009. № 3 (12). С. 50–58.
4. Дьолог О.С. Українська діаспора: Історія формування та сучасність // Українознавчий альманах. 2013. №11. С. 30–33.
5. Макар Ю. Українська діаспора: походження, характер, сучасний стан // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. 2007. №9. С. 9–19.
6. Недошитко І.Р. Інформаційний простір українців у США // Гілея. 2012. № 58. С. 688–696.
7. Недошитко І.Р. Кількісний та якісний склад української діаспори в США наприкінці ХХ – поч. ХХІ ст. // Історичні записки. 2012. №33. С. 161–169.
8. Шпорлюк Р. Формування модерних націй: Україна–Росія–Польща. Пер. с англ. Г. Касьянова, М. Климчука, Я. Стріхи, Д. Матіяш, Х. Чушаак. К.: Дух і Літера, 2013. 552 с.
9. Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science. Princeton: Princeton University Press, 1998. 248 p.
10. Garrett S.A. Eastern European Ethnic Groups and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 1978. Vol. 93, №. pp. 301–323.
11. Holmes M. Culture without the State? Reinvigorating Ukrainian Culture with Diasporic Efforts // Review of Policy Research. 2007. Vol. 24, № 2. pp. 133–154.
12. McCormick J.M. Ethnic Interest Groups in American Foreign Policy // The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2012. pp. 67–87.
13. Michalikova N. New Eastern European Immigrants in the United States. New York, Palgrave Mcmillan, 2017. 235 p.
14. Satzewich V. The Ukrainian diaspora. London–New York: Routledge, 2002. 288 p.

Об авторах:

Иван Дмитриевич Лошкарёв – преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России. МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com.

Андрей Андреевич Сушенцов – руководитель аналитического агентства «Внешняя политика», 109012, Москва, Новая площадь, 6, Cabinet Lounge; программный директор Валдайского клуба, 115184, Российская Федерация, Москва, улица Большая Татарская, 42; доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76, Россия. E-mail: asushentsov@yandex.ru.

Даниил Алексеевич Пареньков – преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России. МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: dparenkov@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение НИР научными группами под руководством молодых учёных (дополнительный целевой конкурс по проблематике США).

THE INFLUENCE OF ETHNO-NATIONAL LOBBIES ON THE US FOREIGN POLICY: HISTORY OF THE UKRAINIAN DIASPORA

I.D. Loshkariov, A.A. Sushentsov, D.A. Parenkov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-165-184

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the political potential of the Ukrainian ethnic lobby in US foreign policy. Proceeding from the fact that ethnic lobbies in the US are able to overcome the institutional system of checks and balances, the authors try to establish the extent and limits of the influence of the Ukrainian lobby.

The given lobby is based on a small-numbered Ukrainian diaspora in the US, which was formed as a result of four waves of migration from the territory of modern Ukraine, due to various reasons. As a result, the Ukrainian diaspora in the United States has developed as a highly heterogeneous and multi-layered community.

The main organization of the Ukrainian diaspora is the Ukrainian Committee of the Congress of America, which is an umbrella structure for organizations of economic, cultural and political profile, as well as for associations of veterans, women and youth.

The Ukrainian diaspora in the US uses the following tools for political purposes. First, the diaspora organizations strive to encourage the activities of their low- and middle-ranking civil servants to form an optimal agenda. Diaspora immigrants from experts and media persons are connected to this process. Secondly, the Ukrainian diaspora has established cooperation with other Eastern European diasporas. The cooperation allows the Ukrainian Americans to use electoral potential in the states of the Northwest and Midwest of the United States and to take joint initiatives in communication with the Congress. Together, Eastern European diasporas have some influence on the American foreign policy process when it comes to the Congress, but the scope of influence should not be exaggerated. However, the demand for anti-Russian arguments is formed within the American establishment, that brings the agenda of the Ukrainian diaspora to the forefront of foreign policy debate. This allows us to conclude that the potential for political influence of the Ukrainian ethnic lobby in the United States is limited without a suitable international context.

Key words: the Ukrainian diaspora, ethnic lobby, USA, lobbying.

References

1. Kanevskii P.S., Sharikov P.A. Transformatsiia instituta lobbizma v SShA v XXI veke i vyzovy dlia Rossii [Transformation of lobbying in the USA in XXI century and challenges for Russia]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2017, no 5 (569), pp. 43–55. (In Russian).
2. Troitskii M.A. Kongress i politika SShA v otnoshenii Ukrainy [Congress and US politics towards Ukraine]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 2014, no. 3 (531), pp. 75–84. (In Russian).
3. Gorelov D.M. Institutsiina integratsiia ukrains'koï diaspori v gromadians'ke suspil'stvo u derzhavakh poselennia [Institutional integration of the Ukrainian diaspora into the civil society of a state of residence]. *Strategichni priorytety* [Strategic priorities]. 2009, no. 3 (12), pp. 50–58 (In Ukrainian).
4. D'olor O.S. Ukrains'ka diaspora: Istoriia formuvannia ta suchasnist' [The Ukrainian diaspora: the history of formation and current stage]. *Ukrainoznavchii al'manakh* [Almanac of the Ukrainian studies]. 2013, no 11, pp. 30–33 (In Ukrainian).
5. Makar Ju. Ukrainoznavchii al'manakh [The Ukrainian diaspora: genesis, character, current stage]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademiia»* [Scientific notes of National University of Ostrozhsk Academy. Historical studies]. 2007, no. 9, pp. 9–19 (In Ukrainian).
6. Nedoshytko I.R. Informatsiiniy prostir ukrainsiv u SShA [Informational space of the Ukrainians in the USA]. *Gileia*. 2012, no 58, pp. 688–696. (In Ukrainian).
7. Nedoshytko I.R. Kil'kistii ta iakisnii sklad ukrains'koï diaspori v SShA naprikintsi KhKh – poch. KhKhI st. [Qualitative and quantitative scope of the Ukrainian diaspora in the USA]. *Istoriczni zapiski* [Historical notes]. 2012. №33. pp. 161–169 (In Ukrainian).
8. Shporliuk R. *Formuvannia modernikh natsii: Ukraina–Rosii–Pol'shcha* [The formation of modern nations: Ukraine–Russia–Poland]. Kiev: Duh i Litera, 2013. 552 p. (In Ukrainian).
9. Baumgartner F.R., Leech B.L. *Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science*. Princeton: Princeton University Press, 1998. 248 p.
10. Garrett S.A. Eastern European Ethnic Groups and American Foreign Policy. *Political Science Quarterly*. 1978, vol. 93, pp. 301–323.
11. Holmes M. Culture without the State? Reinvigorating Ukrainian Culture with Diasporic Efforts. *Review of Policy Research*. 2007, vol. 24, no. 2, pp. 133–154.
12. McCormick J.M. Ethnic Interest Groups in American Foreign Policy. *The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence*. Ed. by J.M. McCormick. 6th ed. New York: Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2012. Pp. 67–87.
13. Michalikova N. *New Eastern European Immigrants in the United States*. New York, Palgrave Mcmillan, 2017. 235 p.
14. Satzewich V. *The Ukrainian diaspora*. London-New York: Routledge, 2002. 288 p.

About the authors:

Ivan D. Loshkariov – Lecturer at the Department of Political Theory at the Moscow State Institute of International Relations. MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76. E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com.

Andrey A. Sushentsov – Head of the Analytical Agency «Foreign Policy», 109012, Moscow, Novaya Square, 6, Cabinet Lounge; Program Director of the Valdai Club, 115184, Russian Federation, Moscow, Bolshaya Tatarskaya Street, 42; Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, 119454, Moscow, Vernadski prospect, 76, Russia. E-mail: asushentsov@yandex.ru.

Daniil A. Parenkov – Lecturer at the Department of Political Theory at the Moscow State Institute of International Relations. MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76. E-mail: dparenkov@gmail.com.

The article was prepared within the framework of the grant of the Moscow State Institute of International Relations for the implementation of research by scientific groups under the leadership of young scientists (the additional tender on US-related issues).